

Замѣтки о Пушкинѣ ¹⁾.

I.

Исторія статуи Екатерины II.

Въ Екатеринославѣ, на Соборной площади, стоитъ съ 1846 г. памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II, очень стильное произведеніе XVIII вѣка. Исторія этого памятника связана съ именемъ Пушкина, которому онъ доставилъ немало неприятностей, хлопотъ и разочарованій. О нихъ сохранены интересныя свѣдѣнія въ перепискѣ поэта и въ нѣкоторыхъ официальныхъ документахъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ мы опубликовали ²⁾ слѣдующее письмо Пушкина.

Général,

Il y a deux ou trois ans que Monsieur Gontcharoff, le grand père de ma femme, se trouvant pressé d'argent, fut sur le point de réfondre une Statue Colossale de Catherine II, et c'est à Votre Excellence que je m'adressai pour en obtenir la permission. Comme j'avais cru qu'il ne s'agissait que d'une masse informe de bronze, je ne demandais pas mieux. Mais il se trouva que la Statue était une belle production de l'art, et j'eus consience et regret de l'anéantir pour en tirer quelques milliers de Roubles. Votre Excellence avec la bonté accoutumée m'avait fait espérer que le gouvernement pourrait me l'acheter; je l'ai donc fait venir ici. Si la fortune d'un

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

²⁾ „Рѣчь“ 1911 г., № 87.

particulier ne permet pas de l'acheter, ni de la garder, cette belle Statue pourrait convenablement être placée soit dans un des établissements fondés par l'Impératrice, soit à Zarskoe Sélo, où Sa Statue manque parmi les monuments qu'Elle a fait élever aux grands hommes qui l'ont Servie. J'en désirerai 25.000 R., ce qui est le quart de ce qu'elle a coutée. (Ce monument ayant été fondé en Prusse par un Sculpteur de Berlin).

La Statue est actuellement chez moi (Rue Форштатская, maison d'Алымовъ).

Je suis avec respect, Général, de Votre Excellence le très humble et très obeissant serviteur

Signé: Alexandre Pouchkine.

8 Juin 1832.

St.-Pb.

(Переводъ. „Генералъ! Два-три года тому назадъ г. Гончаровъ, дѣдъ моей жены, испытывая денежныя затрудненія, былъ готовъ расплавить колоссальную статую Екатерины II, и за разрѣшеніемъ на то я обращался къ вашему высокопревосходительству. Думая, что рѣчь идетъ только о безформенной массѣ бронзы, я большаго и не просилъ. Но статуя оказалась прекраснымъ произведеніемъ искусства, и мнѣ стало совѣстно и жалко ее уничтожить, чтобы извлечь изъ нея нѣсколько тысячъ рублей. Ваше высокопревосходительство съ обычной добротой подали мнѣ надежду, что правительство могло бы ее купить у меня, и я велѣлъ привезти ее сюда. Если средства частнаго лица не позволяютъ ни ее купить, ни хранить ее, то эта прекрасная статуя могла бы быть достойно помѣщена или въ одномъ изъ учрежденій, основанныхъ Императрицей, или въ Царскомъ Селѣ, гдѣ Ея статуи недостаетъ среди памятниковъ, воздвигнутыхъ Ею великимъ людямъ, которые Ей служили. Я хотѣлъ бы за нее 25,000 р., что составляетъ четверть ея стоимости. (Этотъ памятникъ былъ сооруженъ въ Пруссіи однимъ берлинскимъ скульпторомъ). Статуя находится теперь у меня (Форштатская улица, домъ Алымова)“.

Этимъ письмомъ открывается хранящееся въ архивѣ министерства Императорскаго Двора дѣло 1832—1833 г. г. „О бронзовой колоссальной статуѣ Екатерины II, предлагаемой къ покупкѣ писателемъ А. Пушкинымъ“¹⁾. До сихъ поръ была известна

¹⁾ Архивъ М. И. Дв., опись № 64—902, разрядъ № 1, д. № 206, связка № 1684. Дѣло велось „по 2 Экспедиціи“, за № 325, „началось 10 июня 1832, кончено 25 февраля 1833“, на 7 листахъ.

только часть письма, напечатанная П. А. Ефремовымъ въ его послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина ¹⁾ „съ рукописи Анненкова“ ²⁾, списанной, повидимому, съ неполнаго черновика; у Ефремова черновая редакція невѣрно датирована 1833—1834 г. г., а у В. И. Саитова ³⁾ правильно, хотя не совсѣмъ точно, помѣчена 1832 годомъ.

Письмо, на трехъ страницахъ бѣлой бумаги крупнаго почтового формата, собственноручно написано поэтомъ; почеркъ—размашистый и четкій, такъ называемый „парадный“; автографъ—великолѣпной сохранности. Вверху первой страницы, тоже пушкинской рукою, написано:

„Copie.
10 іюня 1832“.

Внизу приписка:

„На подлинномъ собственноручно г. министромъ отмѣчено: „Писать къ президенту академіи, чтобъ послать осмотрѣть сію статую къ Автору Пушкину гг. Мартоса, Демута, Гальберга, Орловскаго съ тѣмъ, чтобы донесли какъ о достоинствѣ ея, такъ и о цѣнѣ“.

10 іюня 1832“.

Письмо адресовано къ А. Х. Бенкендорфу, на что указываетъ не только обращеніе: „Général“, но и ссылка на данное два-три года назадъ разрѣшеніе обратить статую въ металлъ. Въ архивѣ департамента полиціи, гдѣ находятся документы бывшаго III отдѣленія, хранится дѣло „По письму А. С. Пушкина о дозволеніи надворному совѣтнику Гончарову расплавить неудачно вылитую статую, изображающую Императрицу Екатерину“ ⁴⁾.

Исторія этой статуи такова. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка Потемкинъ заказалъ въ Берлинѣ скульптору Мейеру колоссальную бронзовую статую Екатерины II. Въ 1782 г. она была отлита, а въ 1786 г. окончательно отдѣлана, о чемъ свидѣтельствуютъ надписи: „Мейеръ слѣпилъ, Наукишъ отлилъ, Мельцеръ отдѣлалъ спустя шесть лѣтъ въ 1786 году“. Но Потемкимъ скончался, не успѣвъ расплатиться съ нѣмецкими художниками, и статуя осталась въ Германіи, а черезъ нѣсколько лѣтъ прадѣдъ жены Пушкина Никол. Аван. Гончаровъ

¹⁾ А. С. Суворина VII, 520, № 436.

²⁾ Ibid., VIII, 614.

³⁾ Переписка II—на, академич. изд., т. II, № 649.

⁴⁾ Напеч. въ „Дѣлахъ III Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ“, СПб., 1906, стр. 301—310.

приобрѣлъ ее и хотѣлъ поставить ее въ своемъ имѣніи Полотняномъ Заводѣ, Медынскаго уѣзда Калужской губерніи, въ память посѣщенія Екатериной II гончаровскихъ заводовъ и фабрикъ, которымъ императрица вообще покровительствовала. Но привезенная изъ Германіи статуя не была воздвигнута въ Полотняномъ Заводѣ, и въ послѣдствіи его сыну, дѣду жены Пушкина, Аѳанасію Николаевичу, при которомъ дѣла Гончаровыхъ сильно пошатнулись, пришло въ голову попробовать, нельзя ли извлечь изъ лежавшей въ подвалѣ статуи погребенный въ ней капиталъ. Едва состоялась помолвка его внучки съ Пушкинымъ, дѣдушка, весьма преувеличивая значеніе придворныхъ связей Пушкина, взвалилъ на него хлопоты по ликвидаціи этого дѣла. Поэтъ долженъ былъ принять порученіе и 29 мая 1830 г. написалъ своему „ангелу-хранителю“, шефу жандармовъ А. Х. Бенкендорфу, что А. Н. Гончаровъ, нуждаясь въ средствахъ, проситъ позволенія обратить въ металлъ и продать колоссальную статую Екатерины II, неудачной работы („difforme“), а въ послѣдствіи воздвигнуть благодарительницѣ семьи Гончаровыхъ другой, лучшій памятникъ. Статуя вовсе не была безобразна, но Гончаровъ боялся, что иначе ему не позволятъ уничтожить царскій монументъ. Просимое разрѣшеніе ему было, съ высочайшаго соизволенія, дано, о чемъ ему сообщили и Пушкинъ, и Бенкендорфъ. Получивъ разрѣшеніе, Гончаровъ, который раньше говорилъ, что ему предлагаютъ за металлъ 40.000 рублей, имъ не воспользовался, что и спасло статую отъ гибели. Пушкинъ писалъ невѣстѣ: „что подѣлываетъ la grande tатапа de Zavode—бронзовая, разумѣется?“ Интересовался онъ судьбою статуи потому, что первоначально родные его невѣсты предполагали деньги, которыя должна была статуя принести, дать въ приданое за Натальей Николаевной,—и въ слѣдующемъ письмѣ къ своей мадоннѣ Пушкинъ справлялся о ходѣ дѣла: „я утѣшаю себя, проводя цѣлые часы передъ бѣлокурой мадонной, похожей на васъ, какъ двѣ капли воды; я купилъ бы ее, если бы она не стоила 40.000 рублей. Аѳ. Ник. слѣдовало бы вымѣнять ее на свою негодную grand' tатапа, такъ какъ ему до сихъ поръ не удалось отлить ее. Серьезно говоря, я боюсь, чтобы это не замедлило нашей свадьбы, развѣ только вотъ Наталья Ивановна согласится поручить мнѣ заботы о вашемъ приданомъ. Мой ангелъ, постарайтесь пожалуйста“. (Наталья Ивановна—мать невѣсты). Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Пушкинъ писалъ невѣстѣ: „Какъ идутъ дѣла, и что творить le grand para? Знаете ли, что онъ мнѣ писалъ? La grand' ta-

шап,—говорить онъ, стоитъ не болѣе 7.000 рублей, а въ такомъ случаѣ для чего ее тревожить въ ея уединеніи. Стоило же труда надѣлать столько хлопотъ! Не смѣйтесь надо мною, такъ какъ я бѣшусь. Наша свадьба, повидимому, все убѣгаетъ отъ меня“... Въ слѣдующемъ письмѣ поэтъ съ забавной досадой спрашивалъ Наталью Николаевну: „Что дѣдушка съ его мѣдной бабушкой? Оба живы и здоровы, не правда ли?“ Упорный дѣдушка почему-то никакъ не могъ разстаться съ „мѣдной бабушкой“ и выдѣлилъ или, вѣрнѣе, только обѣщалъ выдѣлить въ приданое внучкѣ кое-что изъ своего имѣнія, но такъ какъ дѣла Гончаровыхъ въ это время пришли въ еще болѣе упадокъ, то Пушкинъ не только не получилъ за женою ничего, но еще долженъ былъ дать взаймы тещѣ 11 тысячъ р.; давъ деньги тещѣ, Пушкинъ грустно замѣтилъ: „пиши пропало“. Дѣдушка же опять вздумалъ продавать статую и поручилъ эту комиссію Пушкину, который пытался отъ нея отдѣлаться и черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы писалъ ему: „что касается до памятника, то, будучи въ Москвѣ, я никакъ не могу взяться за продажу онаго и предоставляю все это дѣло на ваше благорасположеніе“. Но въ слѣдующемъ, 1832 году родственныя просьбы съ одной стороны, а съ другой, вѣроятно, надежда выручить данныя тещѣ деньги ¹⁾, заставили Пушкина взяться за хлопоты по продажѣ статуи.

Одно время ее, было, едва не купилъ И. П. Мятлевъ, известный авторъ „Курдюковой“, который писалъ Пушкину: „мысль о покупкѣ статуи еще не совершенно во мнѣ созрѣла, и я думаю, и тебѣ не къ спѣху продавать ее; она корма не проситъ, а между тѣмъ мои дѣла поправятся, и я болѣе буду въ состояніи слушаться своихъ прихотей. Какъ помнится мнѣ, въ разговорѣ со мною о сей покупкѣ ты ни о какой суммѣ не говорилъ; ты мнѣ сказалъ: я продамъ тебѣ *по тѣсу* Екатерину. А я сказалъ: И по дѣломъ ей, она и завела при дворѣ *безъ мены* (baise mains)“. Но Пушкинъ ли не могъ ждать, или Мятлевъ отказался отъ своего намѣренія,—вскорѣ Пушкинъ обратился къ Бенкендорфу съ приведеннымъ выше письмомъ.

Бенкендорфъ, повидимому, переслалъ письмо поэта министру Императорскаго Двора князю П. М. Волконскому, который рѣшилъ узнать мнѣніе специалистовъ о предлагаемой статуѣ.

¹⁾ Племянникъ жены Пушкина, Д. Д. Гончаровъ, рассказывалъ Я. К. Гроту, что Пушкину вмѣсто обѣщаннаго приданнаго родные жены предоставили статую и этимъ отдѣлались (Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, СПб., 1899, стр. 132).

13 іюня въ Академію Художествъ была отправлена слѣдующая бумага ¹⁾.

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА.

*Господину Президенту Императорской
Академіи Художествъ.*

Канцелярія.
По 2 экспедиціи.

Въ Петергофѣ.

13 іюня 1832.

№ 2158.

Извѣстный нашъ писатель, Титулярный Совѣтникъ Александръ Пушкинъ, предлагаетъ къ покупкѣ бронзовую колоссальную статую Екатерины II за *двадцать пять тысячъ рублей*, объясняя, что сумма сія составляетъ только четвертую часть цѣны оной.

Въ слѣдствіе сего покорнѣйше прошу Ваше Высокопревосходительство поручить Г. Г. Мартосу, Демуту, Гальбергу и Орловскому осмотрѣть означенную статую и донести какъ о достоинствѣ оной, такъ и о цѣнѣ ея.

Министръ Императорскаго Двора,

Князь Волконскій.

Вверху бумаги помѣтки: „14 іюня 1832“ (вѣроятно, день полученія), „17 іюня“ и „въ опред. 21 іюня 1832“. Внизу—карандашная приписка: „Статуя сія находится въ квартирѣ г. Пушкина на Фурштатской улицѣ, въ домѣ Алымова“.

22 іюня контора академіи отношеніемъ, за подписью конференцъ-секретаря В. И. Григоровича, увѣдомила о предложеніи министра заслуженнаго ректора И. П. Мартоса, профессора В. Демуть-Малиновскаго и академикомъ С. И. Гальберга и Б. И. Орловскаго, которые и росписались въ чтеніи этого отношенія. (Оно не полностью было напечатано въ статьѣ А. В. Срединна „Полотняный Заводъ“ ²⁾).

Вскорѣ состоялся осмотръ статуи. Заслуженный ректоръ И. П. Мартосъ и академики С. И. Гальбергъ и Б. И. Орловскій (которому Пушкинъ впоследствии посвятилъ стихотвореніе „Художнику“) исполнили порученіе (профессоръ В. Демуть-Малиновскій въ осмотрѣ не участвовалъ) и, какъ видно изъ составленнаго ими 12 іюля и представленнаго Оленинымъ министру при отношеніи 18 іюля, за № 279, акта осмотра, при-

¹⁾ Дѣло архива Императорской Академіи Художествъ, 1832 г., № 45, „Объ осмотрѣ членами сей Академіи колоссальной статуи Екатерины II, предлагаемой къ покупкѣ Титулярнымъ Совѣтникомъ Пушкинымъ“; на четырехъ полулистахъ. Опубликовано нами въ газетѣ „Противъ теченій“ 1910 г., № 3.

²⁾ „Старые Годы“ 1910, г. іюль—сентябрь, стр. 105.

шли къ удовлетворительному заключенію. „Мы“ — заявили они — „осматривали у извѣстнаго писателя Пушкина колоссальную статую Екатерины II-я, которую предлагаетъ онъ къ приобрѣтенію на счетъ правительства, и находимъ, что огромность сей статуи, отливка оной и тщательная обработка или чеканка оной во всѣхъ частяхъ, не говоря уже о важности лица изображаемаго и слѣдовательно о достоинствѣ сего произведенія, какъ монументальнаго, которое непростительно было бы употребить для другого какого-либо назначенія, заслуживаетъ вниманіе правительства; что же касается до цѣны сей статуи 25 тысячъ рублей, то мы находимъ ее слишкомъ умѣренной, ибо одного металла, полагать можно, имѣется въ ней по крайней мѣрѣ на двѣнадцать тысячъ рублей, и если бы теперь заказать сдѣлать такую статую, то она, конечно, обошлась бы въ три или четыре раза дороже цѣны, просимой г. Пушкинымъ. При семъ мы должны по всей справедливости объявить, что произведеніе сіе не чуждо нѣкоторыхъ видныхъ недостатковъ въ отношеніи сочиненія, рисунка и стиля; впрочемъ, если взять въ соображеніе вѣкъ, въ который статуя сія сдѣлана, то она вовсе не можетъ почестся слабѣйшею изъ произведенныхъ въ то время въ Берлинѣ“¹⁾).

Однако, на этомъ дѣло остановилось. Пушкинъ продолжалъ надѣяться на благополучный исходъ хлопотъ и 2 декабря писалъ П. В. Нащокину: „мою статую еще я не продалъ, но продамъ во что бы то ни стало“. Надо думать, что Пушкинъ былъ не совсѣмъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ княземъ П. М. Волконскимъ, такъ какъ не только не обратился непосредственно къ нему, возбуждая свое ходатайство, но даже сталъ дѣйствовать именемъ жены, убѣдившись, что дѣло заглохло. Въ февралѣ Н. Н. Пушкина послала кн. П. М. Волконскому слѣдующее письмо:

Mon Prince,

J'avais eu l'intention de vendre à la couronne une statue en bronze qui à ce qu'on m'a dit avoit coûté 100,000 roubles à mon aieul, et pour laquelle je désirois avoir 25,000. Les académiciens qui avoient été envoyé pour l'examiner disoient qu'elle valoit cette somme. Mais n'en ayant plus de nouvelle, je prends la liberté, mon Prince, à recourir à votre complaisance. A-t-on encore l'intention

¹⁾ 4 іюля Н. А. Мухановъ былъ у Пушкина и „видѣлъ у него статую Екатерины, весьма замѣчательную“ („Русс. Архивъ“ 1897 г., т. I, 657).

d'acheter cette statue, ou bien la somme que mon mari avoit demandé paroit-elle trop forte? En ce dernier cas ne pourrait-on pas nous délivrer au moins le prix *matériel* de la statue, c'est à dire le prix du bronze, et payer le reste quand et comme il vous plaira.

Veillez agréer, mon Prince, l'assurance des sentiments distingués de votre dévouée

Natalie Pouchkine.

Samedi,

18 Février 1833.

(Переводъ. „Князь, я намѣревалась продать въ казну бронзовую статую, которая, какъ мнѣ сказали, стоила моему дѣду 100.000 рублей, и за которую я хотѣла бы получить 25.000. Посланные для ея осмотра академики говорили, что она стоитъ этихъ денегъ. Но, не получая больше извѣстій объ этомъ, я осмѣливаюсь, князь, прибѣгнуть къ вашей любезности. Намѣреваются ли еще купить эту статую, или же сумма, которую спросилъ мой мужъ, кажется чрезмѣрной? Въ послѣднемъ случаѣ нельзя ли было бы выдать намъ, по крайней мѣрѣ, матеріальную стоимость статуи, т. е. стоимость бронзы, а остальное уплатить, когда и какъ вамъ будетъ угодно“).

Письмо Натальи Николаевны, написанное очень изящнымъ, аккуратнымъ мелкимъ почеркомъ, безъ единой поправки, конечно, было продиктовано ей самимъ повтомъ; мы воспроизводимъ его съ соблюденіемъ орфографіи подлинника. Оно было сложено и запечатано сургучемъ съ оттискомъ знаменитаго пушкинскаго перстня-талисмана; на оборотѣ второго листка Пушкинъ собственноручно написалъ: „Его Сіятельству Милостивому Государю Князю Петру Михайловичу Волконскому. Отъ Н. Н. Пушкиной“.

Получивъ его въ тотъ же день, князь немедленно потребовалъ: „Справку, на чемъ остановилось сіе дѣло“. 21 февраля былъ составленъ для доклада министру краткій экстрактъ о положеніи дѣла, т.-е. о заключеніи экспертовъ. Какъ видно изъ карандашной надписи министра, отъ 23 февраля, на этой бумагѣ Волконскій сначала хотѣлъ „Гр. Сансе просить отвѣтить г-жѣ Пушкиной, что я крайне сожалѣю о невозможности исполнить ея просьбу по весьма затруднительному положенію, въ которомъ находится нынѣ кабинетъ, отчего не можетъ дѣлать никакихъ пріобрѣтеній сего рода“. Но черезъ два дня Волконскій рѣшилъ, вѣроятно, что вѣжливо будетъ отвѣтить самому, и послалъ 25 февраля Натальѣ Николаевнѣ слѣдующее

письмо, въ которомъ заключался изложенный въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, но категорическій отказъ отъ покупки статуи. Приводимъ письмо съ отпуска (за № 715).

St-Petersbourg, le 25 Février 1833.

Madame,

J'ai reçu la lettre que vous m'avez fait l'honneur de m'adresser le 18 de ce mois au sujet de la Statue de Catherine II que vous aviez offert de vendre à la couronne, et c'est avec le plus vif regret que je me vois dans la nécessité de vous annoncer que la position fort gênée, dans laquelle se trouve en ce moment le Cabinet Impérial, ne lui permet de faire aucune acquisition de cette importance. Veuillez être assurée, Madame, de tout l'empressement que sans cette fâcheuse circonstance j'aurais mis à solliciter de Sa Majesté l'autorisation de satisfaire à votre demande, et agréez l'hommage des sentiments respectueux avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Madame,

Votre très humble et très obéissant serviteur,

(signé) le P. Pierre Volconsky.

A M-me N. Pouschkin.

Видимость автографа Пушкина, сохраненнаго пересказаннымъ нами дѣломъ архива министерства Императорскаго Двора, и находящаяся на немъ надпись поэта, удостоверяющая, что это — копія, показываютъ, что Пушкинъ еще разъ дѣлалъ неизвѣстную намъ попытку возобновить хлопоты о продажѣ статуи. На письмѣ нѣтъ сгиба, а въ описи документовъ, которою открывается архивное „дѣло“, оно было помѣчено сначала: „Письмо Пушкина“, но слово „письмо“ зачеркнуто, и надъ нимъ приписано: „копія письма“. Очевидно, когда дѣло уже было закончено и сдано въ архивъ, Пушкинъ, которому нужно было получить его обратно для дальнѣйшихъ хлопотъ, явился въ министерство и взялъ подлинникъ, но тутъ же намѣстѣ переписалъ его, вмѣстѣ съ сдѣланною на немъ Волконскимъ надписью, — и эта-то копія и была подшита къ дѣлу, а въ опись документовъ внесена указанная поправка. Надо думать, что еще кое-какіе документы, относящіеся къ этому дѣлу, должны храниться въ архивѣ департамента полиціи; нѣкоторые розыски въ этомъ отношеніи могутъ быть весьма полезны. Быть можетъ, они прибавятъ нѣчто къ даннымъ, ранѣ извлеченнымъ

изъ этого архива, а также къ опубликованнымъ А. В. Среднимъ ¹⁾ и нами. Пушкинъ сохранилъ память о „скупости“ Волконскаго, и въ его дневникѣ 1835 г. записанъ смѣшной анекдотъ о „старомъ скрягѣ“ ²⁾.

Статуя была куплена уже послѣ смерти Пушкина на словѣ известнымъ заводчикомъ Бердтомъ, которому, наконецъ, посчастливилось продать ее. Ее приобрѣло у него, по рекомендаціи Мартоса, екатеринославское дворянство, и въ 1846 г. она была воздвигнута въ Екатеринославѣ, на площади передъ заложенымъ Екатериною соборомъ. „Лицо изображенія“ — описывалъ памятникъ Д. Перевощиковъ ³⁾— „обращено къ югу; руки его расположены такъ, что всякій тотчасъ пойметъ, что изъ нихъ лились неистощимыя благодѣянія“... ⁴⁾. Это очень стильное произведеніе XVIII вѣка, вполне соответствующее эпохѣ Екатерины и Потемкина.

Описаніе хлопотъ Пушкина, которому такъ и не удалось сбыть съ рукъ „мѣдную бабушку“, входитъ интересной страничкой въ исторію жизни великаго поэта, который цѣлые годы изнывалъ въ тискахъ разволоченной и тѣмъ болѣе тягостной нужды. Не разъ могъ онъ повторить горькія слова сына Скупого Рыцаря: „О, бѣдность, бѣдность! Какъ унижаетъ сердце намъ она!“—и о томъ, что приходилось ему часто испытывать, краснорѣчиво говорятъ дошедшіе до насъ длинные списки его долговъ—не только ростовщикамъ, но даже мелкимъ лавочникамъ и домашней прислугѣ.

II.

Письмо гр. М. Ю. Вельгорскаго къ А. А. Краевскому.

Милостивый Государь

Андрей Александровичъ!

По случаю появленія въ 5-й книжкѣ *Библиотеки для чтенія сею 1837 года* стихотворенія А. С. Пушкина, Опека, учрежден-

¹⁾ „Стар. Годы“, I. с., а также „Извѣстія Калужской ученой архивной комиссіи“, вып. XXI, 1911 г., стр. 30—46. Тамъ же, стр. 47—49, ср. „Къ вопросу о происхожденіи статуи императрицы Екатерины II въ Екатеринославѣ“ В. Асонова.

²⁾ Императоръ Николай Павловичъ называлъ кн. П. М. Волконскаго „Le prince Non“. („Русс. Арх.“ 1912, I, 632; II, 633).

³⁾ „Современникъ“ 1853 г., т. 37, отд. VI, ст. 8.

⁴⁾ См. „Русс. Архивъ“ 1865 г., ст. 1496—1497.

ная надъ дѣтьми и имуществомъ покойнаго, почла обязанностію сдѣлать постановленіе о преслѣдованіи впредь законнымъ порядкомъ подобныхъ нарушеній правъ собственности.—Надѣюсь, что Вы, Милостивый Государь, къ предупрежденію таковыхъ дѣйствій не оставите напечатать въ издаваемомъ вами журналѣ упомянутое объявленіе Опекы, котораго копію я поспѣшаю препроводить при семъ, покорнѣйше прося Васъ о скорѣйшемъ напечатаніи.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь пребыть,

покорнѣйшимъ слугой:

Г. Віельгорскій ¹⁾.

Мая дня ²⁾

1837 года.

Его Высокоблагородію

А. А. Краевскому.

Вверху помѣта: „Получено 17 мая. Краевскій“.

Документъ этотъ находится въ хранящихся въ Имп. Публичной Библиотекѣ бумагахъ А. А. Краевского ³⁾. Письмо вызвано напечатаніемъ, безъ позволенія Опекы надъ дѣтьми и имуществомъ Пушкина, стихотворенія „Признаніе. Къ Александрѣ Ивановиѣ О—ой“ въ „Библ. для чтенія“ (1837 г., т. XXII, май, отд. I, стр. 5—6). Краевскій не помѣстилъ въ „Литерат. прибавл. къ Русскому Инвалиду“ объявленія Опекы. Оно появилось въ „Сынѣ Отечества“ 1837 г., т. CLXXXV, стр. 354—355, подъ рубрикой: „Библиографическія извѣстія“ ⁴⁾.

Когда П. А. Плетневъ напечаталъ въ „Современникѣ“ 1838 г.

¹⁾ Двѣ послѣднія строки написаны гр. Мих. Юр. Віельгорскимъ собственноручно.

²⁾ Sic. Число не вписано.

³⁾ См. Отчетъ И. Публ. Библ. за 1889 г., стр. 63.

⁴⁾ Вотъ оно „Опека, учрежденная надъ малолѣтними дѣтьми и имуществомъ умершаго Каммеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, усмотрѣвъ въ пятой книжкѣ издаваемого А. Смирдинымъ журнала: *Библиотека для чтенія сего 1837 года*, стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *Признаніе*, съ подписью: *А. Пушкинъ*, и зная, что сочиненіе то дѣйствительно написано покойнымъ, долгомъ считаегь объявить, что такъ какъ всѣ произведенія сего писателя, на основаніи *Свода Законовъ тома X, отдѣленія 7-ю*, неотъемлемо принадлежатъ его наслѣдникамъ, а посему находятся подъ распоряженіемъ опеки, то она впредь и вынуждена будетъ прибѣгнуть къ защитѣ законовъ, ограждающихъ неприкосновенность собственности, и искать вознагражденія, на основаніи существующихъ постановленій“.

нѣсколько стихотвореній Пушкина, Опека, ревниво относившаяся къ охранѣ принадлежавшихъ наслѣдникамъ поэта правъ собственности, обратилась къ нему по этому поводу съ весьма строгимъ запросомъ, и Плетневъ вынужденъ былъ обѣщать не печатать болѣе сочиненій Пушкина, а за напечатанныя прежде внести сумму, которая будетъ потребована Опекою ¹⁾.

ЦІ.

Поправка.

Г. Б. Садовской опубликовалъ въ „Голосъ Земли“ (29 января 1912 г., № 20) „новую рукопись пушкинскихъ стихотвореній“. Ихъ — два. Одно изъ нихъ. „Ахъ, гдѣ тѣ острова“..., какъ было въ свое время указано г. Садовскому, принадлежитъ Рылѣву. Другое же, „Смуглянка“, навело ученаго на серьезныя размышленія: „кому принадлежитъ это стихотвореніе, самому ли Пушкину или какому-нибудь изъ его эпигоновъ? Въ немъ чувствуется легкость, изящество, простота, точность въ выборѣ эпитетовъ, въ немъ есть что-то пушкинское. Конечно, и тутъ не обошлось безъ искаженій и, быть можетъ, пропусковъ. Но пока не будетъ точно установлено, кто авторъ „Смуглянки“, — вопросъ о принадлежности ея Пушкину остается открытымъ“.

„Въ немъ есть что-то пушкинское“ — доводъ, по серьезности не уступающій тѣмъ основаніямъ, по которымъ герой Гоголя, познакомившись со стишками: „Душеньки часокъ не видя“, рѣшилъ, что это, „должно быть, Пушкина сочиненіе“. О „точности въ выборѣ эпитетовъ, изяществѣ и простотѣ“ свидѣлствуютъ такія выраженія: „ея улыбка весела какъ видъ безоблачнаго неба“, „голосъ отраденъ, сладокъ какъ любовь“, „на груди ея узнать взаимный трепеть сладострастья“, и т. под. Этого одного было бы достаточно, чтобы не „открывать“ вопроса.

Но такъ какъ онъ все-таки „открытъ“, то приходится его закрыть. Можемъ удостовѣрить, что никакихъ пропусковъ и искаженій въ сообщеніи г. Садовского нѣтъ, и что пьеса весьма исправно списана съ печатнаго подлинника. „Смуглянка“ помещена въ „Литер. Газетѣ“ 1880 г., т. II, стр. 51—52 (№ 48, іюля 30), безъ подписи, но съ указаніемъ въ оглавленіи къ

¹⁾ „П. и его совр.—ки“, XIII, 351, 136--137. 140, 142 — 143.

второму тому журнала, что авторъ ея—„Н. И. Ш-б-въ“. Въ той же „Литер. Газетѣ“ (II, 69, 77—78) помѣщены еще два, не менѣе плохія, стихотворенія того же автора.

Анонимные стихи, появившіеся въ „Литер. Газетѣ“, не разъ приписывались Пушкину („Старница-пророчица“, „Лилія“ кн. П. А. Вяземскаго, „Я жизнь любилъ“..., эпиграмма Вяземскаго на Булгарина „Ты цѣлый свѣтъ увѣрить хочешь“...).

Н. Лернеръ.

